Ирина Зябликова-Исакова
Анастасия Исакова
Наталья Исакова

«Из сундука моей бабушки...»

Сказки, легенды, рассказы

с иллюстрациями
Роальда Каптикова

Ирина Зябликова-Исакова
Наталья Исакова
Анастасия Исакова

«Из сундука моей бабушки…». Сказки, легенды, рассказы. С иллюстрациями Роальда Каптикова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71758081
ISBN 9785006565081

Аннотация

«В восемнадцать её выдали замуж… Молодые жили в большом доме с родителями. Когда юная супруга носила под сердцем первенца, часто ходила в гости к старому деду Тимофею, помогать по хозяйству, а в благодарность Дед Тимофей плёл ей лапти. Было ему девяносто семь лет. Что нужно старику? Было бы с кем поговорить, а до рассказов он был большой охотник. Настя любила его послушать и решила записывать…» – такова предыстория этой книги, которая объединила в себе и сказ, и сказки, и легенды семьи Исаковых.

Содержание

«Из сундука 6
Старая рукопись из 7
Сказ деда Тимофея 13
Конец ознакомительного фрагмента. 19

«Из сундука моей бабушки…». Сказки, легенды, рассказы С иллюстрациями Роальда Каптикова

Ирина Зябликова-Исакова
Наталья Исакова
Анастасия Исакова

Светлой памяти моих бабушек и дедушек… в частности, бабушки Натальи Ивановны Исаковой, прабабушки Анастасии Михайловны Исаковой (Шабалиной)

С благодарностью и светлой памяти художника Роальда Валерьевича Каптикова

Художник-иллюстратор Роальд Каптиков
Дизайнер обложки Ирина Зябликова-Исакова

© Ирина Зябликова-Исакова, 2025
© Наталья Исакова, 2025
© Анастасия Исакова, 2025
© Ирина Зябликова-Исакова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-6508-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Из сундука моей бабушки…»

Иллюстрации Р. В. Каптикова
Вступление и переложение текстов
И. В. Зябликовой-Исаковой

Старая рукопись из бабушкиного сундука

Когда-то давно, в начале XX века, когда не произошёл ещё судьбоносный для нашей страны Октябрьский переворот 1917 года, и даже не началась первая мировая война 1914 года, в глубинке России, в местечке близ Бемыжского завода Елабужского уезда Вятской губернии, Анастасия Михайловна Исакова, в девичестве Шабалина, начала писать свою рукопись в 1911 году. Тогда ей было девятнадцать лет. Она только вышла из стен женского монастыря в Елабуге[1], где обучалась разным наукам и премудростям. В восемнадцать её выдали замуж за Ивана Ефимовича Исакова. Молодые жили в большом доме с его родителями. К тому времени юная супруга уже носила под сердцем первенца[2], она частенько ходила в гости к старому деду Тимофею, помога-

[1] Елабужский Казанско-Богородицкий монастырь – действующий женский монастырь Набережночелнинской епархии Русской православной церкви. Находится в Елабуге, в черте старого города. Основан в 1856 году как женская община, официально статус монастыря получил в 1868 году. До 1920 года (образование Татарской АССР) эта территория относилась к Вятской губернии и, соответственно, Вятской епархии. Накануне революции Елабужский монастырь стал крупнейшим в епархии женским монастырём (в 1893 году – 250 сестёр, в 1900 году – 273 сестры, считая послушниц). При монастыре действовала школа, а также золотошвейная и живописная мастерские.

[2] первый сын Фёдор

ла ему по хозяйству – пол помыть, бельё постирать, так как никого из родных у старика уже не было, а в благодарность Дед Тимофей плёл ей лапти (девятилычные). Сам он говорил, что было ему девяносто семь лет, а может и больше. А что ещё нужно старику? Было бы с кем поговорить, и ладно. А до рассказов он был большой охотник. Настенька любила слушать, а потом решила записывать. Когда не было дома свекра (он уезжал в Елабугу по делам или в суд, так как служил там адвокатом), она отпрашивалась у свекрови и, прихватив с собой чернила, бумагу, шла к деду Тимофею.

На вопрос: «Что будем писать?» Он улыбался в свою седую бороду и как-то лукаво щурил глаза: «Я же не умею писать…»

– Дядя Тимофей, а у тебя разве нет родных детей?

– Я тебе все расскажу, Настя, а ты запомни…

– А можно, дядя Тимофей я буду записывать?

– Пиши, дочка, пиши.

И Настенька стала записывать:

«Дед Тимофей любил пить чай, часто поил и меня. Скажет: «Давай, Настя, я тебя чаем попотчаю». Он всегда заваривал его из трав, только ему известных. Напоив меня, говорил: «Настя, этот чай даёт мне силы».

Однажды я ходила за водой на ключ, а у ключа поскользнулась и упала в воду. Пока дошла до дома, вся одежда на мне замёрзла, и я заболела. Свёкр привёз вечером из Осокина фельдшера, тот дал какую-то микстуру, порошки,

но мне не помогло. Через дом жила моя тётушка Прасковья Мефодьевна, и дед Тимофей к ним ходил. Узнав от тётушки, что я очень хвораю, он тут же пошёл домой, а вечером принёс тётке горшок с отваром трав. Она немедля принесла его мне, спросив разрешения свёкра[3] *(он был очень строг). Меня напоили этим отваром, заставили лечь на печь, и через неделю я уже была на ногах. Вот так благодарно помог мне дед Тимофей»…*

Много всего интересного поведал ей дед Тимофей. Много листов было исписано чернилами. Толстой оказалась эта рукопись…

Прошли годы, много событий пронеслось с той поры и много всего пришлось пережить семье Исаковых… Деда Тимофея уже давно не было в живых… Мужа[4] забрали на первую мировую войну, он попал в плен к немцам, потом вернулся… В семье было трое детей, два сына – Иван и Фёдор, и дочь Наталья. Не стало свёкра и свекрови… Раскулачивание, бегство на Украину, возвращение…

Так в 1938 году, после смерти матери, именно Наталья нашла ту самую рукопись, долгое время хранившуюся в материнском сундуке.

И она, будучи уже моей бабушкой Наташей[5], решила переписать шариковой ручкой старые выцветающие листы, ис-

---

[3] Исаков Ефим Григорьевич

[4] Исаков Иван Ефимович (1885? – 1948)

[5] Исакова Наталья Ивановна (1925—2001)

пещрённые ещё чернильными старорусскими буквами, более разборчивым почерком и сохранить для потомков – для своих внуков и правнуков. Но удалось переписать только часть её, б*О*льшая часть погибла от потопа в подвале дома…

Моё детство прошло в Башкирии, но часто я бывала в гостях у своей бабушки в Агрызе (Татарстан). Меня так и называли «агрызская бабушка», т.к. внешне я похожа на неё. Мне с ней было интересно. Она рассказывала мне сказки, легенды, часто придумывая их сама. Что-то вспоминала из своего детства, рассказывала историю нашего рода, а мне интересно было слушать, я задавала вопросы.

Уже будучи взрослой, анализируя рассказанные истории и сопоставляя факты, я нашла много точек соприкосновений (в книге приводятся ссылки). Здесь в книге, конечно, приведено далеко не всё – есть ещё «белые пятна», с которыми мне предстоит работать и сопоставить их с реальными событиями.

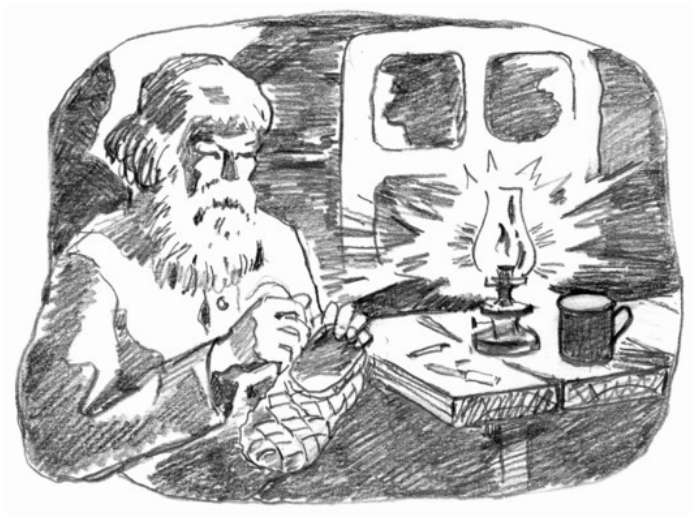
Так как я, её старшая внучка, особо интересовалась происхождением нашего рода, то не удивительно, что бабушка передала свою переписанную рукопись мне, и которая сейчас тоже начинает выцветать, поэтому у меня также возникла идея её сохранить, ведь и мне придётся передавать эти строки следующему поколению…

Ещё в 2007 году я обратилась к екатеринбургскому художнику-графику Роальду Валерьевичу Каптикову[6] с просьбой

[6] Познакомилась с Р. В. Каптиковым ещё в 2001 году во время пленэра в То-

сделать иллюстрации к бабушкиной рукописи. И он сделал. Я ему очень благодарна за это!

больске. Вместе с ним и группой «Хожателевцев» ездили на пленэры и путешествовали по многим городам России, я сделала им множество выставок.



Сказ деда Тимофея

«Живем мы здесь давно. А сколько годов, я и счет потерял. До нас здесь был лес. Мы жили далеко отсюда. В той деревне жил злой барин. Мы все были у него в долгу. Всё брали у него в лавке, а так как ни читать, ни писать не умели, то ставили большой палец. В конце концов, у нас у самих уже ничего не было…

У барина был приказчик Денис, а сын его Семён учился в уезде или где-то ещё, не знаю. Приехал как-то домой и сказал отцу, мол, слышал, что многие вотяки[7] бежали в глухие леса, и там живут хорошо: барина там нет, никто ничего у них не отбирает.

И вот однажды Денис собрал нас всех в лесу на поляне – всех тех, кому уже нечем было платить долги, и пообещал достать лошадей, хлеба для шестерых человек, кто верьхами на лошадях поедет искать место. А Денис этим временем должен приготовить всё.

И вот я и ещё пять человек поехали искать хорошее место. Отъехав эдак верст сорок, мы стали топором ставить тамга[8], чтобы не заблудить. На десятый день мы приехали к логу, где текла река. Стали искать ключ[9]. Нашли быстро – ключ

---

[7] Вотяки – удмурты

[8] тамга – метки на деревьях (удм.)

[9] ключ – родник

бил из-под горы. В ключе вода была очень холодной, аж зубы ломило. Сладкая вода больно была, вкусная очень! Стемнело. Ночевали тут же, у ключа, а утром поднялись на гору. Прошли эдак версты две, лес кругом. Решили, что нет кругом человеческой души. Стали строить землянки, построили и поехали обратно.

К нашему приезду Денис уже накупил скотины: лошадей, коров, овечек. Всё спрятали в лесу и охраняли свои люди – те, что поедут с нами.

И вот в воскресенье оставили навсегда родное село, где родились, и где схоронены наши матери, отцы, деды, прадеды. Взяв с их могил по горсти земли, мы покинули их навсегда.

Когда приехали на место, то поняли, что попали из полымя да в пекло! Так мы снова попали в кабалу, теперь уже к Денису. Денис сам захотел стать барином. Сначала мы и не догадывались, что будем работать на него. Тогда у меня ещё была жива опроч[10] Ефросинья и сын был – Конкой звали, Конафий значит. Мой Конка и сын Дениса Семён – одногодки были. Семён учился, а Конка мой где там… Ведь мне нечем было его учить. Конка только и умел играть на гуслях, да свистеть. Конка мой был больно сильный, куда Семёну до него…

С нами вместе приехал дед Мирон. Из дома они выехали со своей внучкой Марфой, сироткой. У него был сын со сно-

[10] опроч – старуха (удм.)

хой, сына забрали в солдаты, он там за царя-батюшку и сложил голову, я так понимаю. Тогда служили четверть века, двадцать пять годов значится… А сноха его Анок умерла при родах Марфы. Так вот у деда Мирона никого не было, кроме внучки. Когда мы сюда приехали, Марфе тогда годков эдак тринадцать-четырнадцать было, может и больше, а может и меньше – кто знает. Марфа была смышленая: умела прясть, вязать, ткать. Сама шила всё себе и деду. А уж красавица была!.. Если бы одеть её в царские наряды, то лучше, чем царица была бы.

Землянки у нас с Мироном были рядом. Я к ним часто заходил. Дед Мирон что-нибудь мастерил или плел лапти, а Марфа пряла или вязала. Бывало, спросит у деда: «Пещатай[11], расскажи мне про маму и тятю». И дед Мирон начинал рассказ, не спеша. Он, наверное, раз сто говорил про это, а мне всё равно интересно слушать.

«Отца и мать ты, внучка, не знаешь! Мать твоя Анок, надо сказать, была первая красавица на всё село. Да и отец твой, мой сын Очан, тоже был хороший, подстать матери. Тебя внучка ещё и на свете не было, когда отца твоего отдали в солдаты. А мать твоя Анок, царство ей небесное, ждала сына. Отец, когда уходил, сказал: «Когда я вернусь – сын мой будет в солдатах, а сына, – сказал Очан жене, – назови Антоном». А сам не вернулся. Только всё вышло не так, как хотели твои отец и мать: родился не сын, а ты, внучка. Мать твоя

[11] Пещатай – старый отец (удм.)

тоже не узнала, кого родила: долго мучилась и была еле жива. Только ты народилась, внучка, бабка-повитуха не успела обрезать пупок, как мать твоя отдала Богу душу. «А что такая душа, пещатай?» И дед Мирон начинал объяснять…

Мы почти всё время работали на Дениса: рубили лес, корчевали пни, драли лыко, плели лапти, драли и мочало, рвали мох – строить дом для Дениса. Делали всё, что мы умели, а что не умели – нас учили (правду сказать – заставляли). За то он нам давал муки и соли. Писать, читать мы не умели – ставили палец, чем-то черным намазанный, а палец лепили туда, где Денис что-то писал. Так значится, всё делали для Дениса, а он богател. Построил избу большую и печь побелому топил. Очень хорошо жил Денис! Не то, что мы… А у нас какая баня – такой и дом: окошки маленькие, да и то натянуты тканными сетками. Так вот мы снова стали должниками, теперь уже у Дениса. Денис стал хозяином над нами…

Тут, Настя, оказалось в шести верстах большое село – Осокин завод[12] – село русское, откуда та сама родом, Настя. Мы сами в то село не ходили тогда, а Денис ездил. Он нас так всех запугал, что мы и стали бояться. Кто пройдет в сапогах или приедет на лошади да с бубенцами – сразу же бежали в лес. В лесу мы забирались в чащу, пока работник Дениса не застучит в свою дубовую колотушку. Вот так, Настя…

Долгов у меня набралось много, платить стало нечем: он

[12] Осокин завод принадлежал Петру Игнатовичу Осокину, затем в 1769 г. был продан двоюродному племяннику – Ивану Петровичу Осокину.

забрал моего сына Конку работником. Кроме Конки у него было трое мужиков и четыре бабы. Надо сказать, Конка мой был смышленым – не то, что другие. Он, как мы, в лес не убегал – не верил тому, что это урядник приехал нас всех забрать. Так нам Семён говорил, будто старый хозяин нас ищет.

Так понемногу мы корчевали лес, очищали и сеяли рожь, лён, коноплю, а потом и картошку. Скотины у Дениса развелось много – всякая живность была. У него никогда её не съедал волк, не задирал медведь. Это Настя, как сказка, теперь бы я не испугался, хотя и старик, а тогда всего…

Мой Конка с Семёном, бишь с сыном Дениса, ездили в Елабугу (как мне говорил Конка) вёрст эдак шестьдесят будет. Да что я говорю-то, ведь ты мне сказывала, чо училась там в монастыре…

Ой, Настя, я ведь начал калякать про деда Мирона, да вот куда меня занесло…

Так внучка его подросла, стала баской[13], – продолжал рассказ дед Тимофей, – у Мирона долгов тоже скопилось много. Как-то вечером Денис зашел к деду Мирону и спросил:

– Пошто долги не платишь?

– Подожди маленько, – отвечал ему дед Мирон.

– Ждать мне некогда! Или отдавай долг, или – в работницы Марфу!

Что было делать? Марфа пошла отрабатывать долги.

---

[13] Баская – красивая (удм.)

Надо сказать, мой Конка сильно любил Марфу, и она тоже любила его. Да и Семён, сын Дениса, тоже полюбил Марфу. Он попросил отца, чтобы тот послал Конку в лес искать лошадей, якобы пропали. Семён напоил работника, чтобы тот подтвердил, будто бы три лошади ушли в лес. Когда лошадей пускают пастись, то на шею им надевают гырлы[14].

Конка зашел домой, взял хлеба, ложку соли и котелок, сказав: «Если долго не найду лошадей, то хоть коренья сварю с травой». Травы Конка тоже знал. Ушёл он, и не было его десять дней. Мы со старухой стали думать, что он уже и не вернётся: в ту пору много было волков, медведей. И вот на десятый день, блуждая по лесу, он вышел на какую-то дорогу, присел немного отдохнуть, думая, в какую сторону идти.

Уже стало темнеть, и вдруг показался извоз, эдак лошадей пятнадцать было, а своих-то он не нашёл. Люди его спросили, кто он, да откуда. «Я из Ырга[15]

[14] Гырлы – бубенцы (удм.)

[15] Иргинский завод также принадлежал Осокиным с конца XVIII до середины XIX в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.